

ГЛАВА 1

Люди мечтают о разном. А вот надежды у них одинаковые.

История Антуана начинается дважды. Первый раз — в день его рождения. Второй — шесть лет спустя — в день, когда его мать, Марлен, исчезла.

Умирать было рано, но судьба, забравшая у Антуана мать, казалась еще более страшной участью.

— Жди здесь, — сказала Марлен сыну. — Жди, пока не вернусь.

Он шел за ней до самых ворот, плакал, хватался за ноги, умолял взять его с собой. Однако Марлен не останавливалась. Пыталась стряхнуть сына, как назойливую муху. Переставляла ноги. Не опускала на него взгляд.

— Пусти.

— Когда ты придешь?

— Скоро.

— Когда «скоро»?

Марлен, стоявшая на песчано-гравийной дорожке, в последний раз обернулась, села перед сыном на корточки, потрепала ему волосы, на мгновение обхватила его лицо руками и сказала:

— Просто жди.

В глазах Антуана вспыхнуло сомнение. Марлен провела ладонью по влажной глинистой почве и приставшей к пальцам грязию написала мальчику что-то на лбу. Во всех этих действиях сквозила некая завершенность, которой он тогда не понял.

Наконец Марлен встала, развернулась, отодвинула деревянный засов, открыла ворота и вышла через кирпичный забор на улицу, больше не обернувшись. Она бросила сына одного — без обещанного будущего. Уехала в далекий мир, который для Антуана еще долгие годы будет оставаться закрытым.

Взглядом он следил за каждым ее шагом по тропе, вившейся вдоль пшеничных полей и между плакучих ив, пока Марлен не растворилась во все более густевших ветвях и не стала их частью.

— Мама! — крикнул он ей вслед, когда край голубого платья окончательно пропал из виду. Это был крик, пронзивший все вокруг, словно она вырвала ему сердце. Крик, который отозвался болью в душе каждого, кто его слышал.

Время замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось. Антуан стоял в одной белой дырвой ночной

рубашке, на песчано-гравийной дорожке, на гальке, впивавшейся в ступни. Он ждал. Часы. Целый день. Под дождем, тонкими строчками падавшим с неба.

Ему хотелось найти что-то знакомое, за что можно было бы зацепиться. Даже этот сад, дом и все вокруг казалось ему теперь чужим. Без нее.

И прежде чем на мальчика опустилась завеса тьмы, в сознании ясно проявилась правда, о которой он догадывался, но не подпускал: *мама не вернется*. Они больше не увидятся.

Окруженный лужами кофейного цвета, насквозь промокший, он съежился в грязный комок на размякшей земле.

Еще утром Антуан удивился, что Марлен ходит по дому взад-вперед, собирая вещи и заталкивая их в сумку. Еще утром ему стало не по себе, когда он увидел, как она стоит перед зеркалом с ножницами в руке и стрижет свои волосы. Как она заворачивает роскошные черные локоны в газетную бумагу и бросает ее в камин. Как она надевает голубое платье из шерсти, которое совсем не соответствует ее привычному стилю. Еще утром ему стало некомфортно, хотя он и не знал, что с этого дня ему понадобятся годы, чтобы собрать осколки своего голубого неба воедино.

Один за другим Антуана мучали вопросы. Он пытался открыть дверь в неизвестное. Однако на некоторые вопросы не было ответа, лишь обрыв-

ки незаписанных воспоминаний. Засевшие в разуме образы. Фигура матери. Как она шла к воротам и ни разу не обернулась. Как ступила на утренний свет фонаря и вышла из него навсегда.

Время лечит не все раны. Некоторые оно лишь подсушивает. Почему мать бросает своего ребенка? Без ответов, без объяснений? Почему происходят вещи, которые заставляют нас на протяжении всей жизни задаваться вопросом «почему»? И это «почему» въедается в нас, как червь в яблоко.

Об Антуане в то время можно было сказать так: все самое страшное, что могло произойти с ребенком, с ним уже произошло. Ему слишком рано пришлось усвоить, что люди редко являются теми, за кого мы их принимаем. Что они редко остаются там, где мы в них нуждаемся.

Однако ему также повезло узнать, что всегда есть кто-то, кто наблюдает в сторонке. Кто внезапно оказывается рядом. С нами. Для нас. В его случае это была Шарлотта.

Шарлотта появилась в саду перед Антуаном. Он ее не видел, но чувствовал. Мальчик сидел на корточках на пропитанной влагой земле. Кудрявые волосы разгладились под дождем и прибились к голове. Холодная мокрая рубашка прилипла к телу так, что сквозь нее просвечивала кожа. Он дрожал. Была влажная холодная ночь, дул ледяной ве-

тер. Еще долгие годы Шарлотта будет вспоминать эту ночь. Облака, похожие на черные пятна крови, будто небо отражало то, что происходило на земле.

Мальчик поднял веки. Его мерцающие, как патина, глаза увидели мягкие черты лица молодой девушки. Ей было слегка за двадцать. Шарлотта опустилась перед Антуаном на колени и протянула к нему руки. Когда она коснулась его плеч и посмотрела на него своими нежными и добрыми глазами, в черноте ночи блеснул лунный серп. Он стал первым чудом этой истории.

Шарлотта погладила Антуана по волосам и спине. Стоило ей взглянуть на лоб мальчика, на ее глазах мгновенно навернулись слезы, которые она попыталась сморгнуть. В маленьком сердце ребенка и без того уже слишком много боли. Как он вынесет еще и то, что большими черными буквами написано у него на лбу?

Антуан это заметил. В выражении лица Шарлотты он искал подсказки к тому, что написала мать. Он искал в ее глазах ответ на вопрос «почему она ушла».

Слез незнакомой девушки оказалось достаточно. Не в качестве ответа, но чтобы понять, что Марлен не вернется. Шарлотта утерла глаза тыльной стороной кисти и улыбнулась ему. В самую черную ночь своей жизни Антуан вдруг увидел яркую звезду.

— Пойдем со мной, — сказала она наконец. Антуан задрожал.

— Кто ты? — спросил он. Его голос был похож на бессильный шепот.

— Я друг, — ответила девушка. — По крайней мере, хотела бы им стать. — Ее голос звучал мягко и дружелюбно. — Антуан, хочешь горячего какао?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Я многое о тебе знаю, малыш.

— Что? Что ты знаешь? Где моя мама? Когда она вернется?

— Нет, — Шарлотта покачала головой. — Прости. Этого я не знаю. — Она провела по его плечам, встала, взяла его холодные, словно ледышки, руки в свои теплые мягкие ладони и повторила: — Ну же, идем.

— Я не могу с тобой пойти. Мне надо дождаться маму. Она расстроится, если придет, а меня не будет.

Шарлотта кивнула:

— Обещаю, когда мама вернется, мы будем здесь.

С того момента Шарлотта стала единственным теплым островком в окружавшем его холодном море. Она знала, как найти подход к мальчику, которого бросила мать.

Она знала много историй жизни. Историй, которые никто и представить не мог. Историй, к которым никто не был готов, но которые происходили. Снова и снова. Повсюду.

Ее глаза видели судьбы других, ее душа касалась их душ. Она носила в себе множество пейзажей жизни, не вдаваясь в отчаяние или горечь.

Пока Антуан ждал мать, он не заметил, как на землю опустились черная ночь и холод, который осел у него в легких. Взгляд мальчика был устремлен вдаль, туда, где исчезло голубое платье Марлен, пока он с грустью не закрыл глаза. Еще некоторое время он продолжал верить, что там, на том самом месте, увидит развевающуюся ткань из голубой шерсти. Сперва мать, а вслед за ней появится и его отец. Держась за руки, родители придут к нему, и он выскочит из дома и вприпрыжку бросится к ним, помашет рукой и позовет. И мать с отцом побегут к нему, сначала медленно, затем быстрее. Вниз по склону, вдоль улицы, через ворота. Марлен бросится к нему прямо на гальку, заключит в объятия и никогда не отпустит. И сможет вести себя, как обычная мать: будет поддерживать своего ребенка, любить его и защищать.

Антуан надолго запомнит событие той зимы, нарушившее всякий порядок, который должен быть в жизни шестилетнего ребенка. Первые дни и ночи у Шарлотты дома. Стены с отслаивающейся штукатуркой. Пятна, оставшиеся на них от старых фотографий. Потолки, покрытые вздувшейся краской. Тихие монотонные звуки протекающей

крыши. Свет свечи, наполняющий комнату Шарлотты и смывающий с их лиц тьму, придавая миру немного цвета.

Шарлотта жила в маленьком обветшалом доме. Даже на наружном фасаде не осталось белой краски. Кирпичи местами были сломаны, а местами и вовсе отсутствовали. Дом Шарлотты находился всего в паре улиц от дома Антуана. В нем даже пахло так же: нищетой. У себя он этого запаха так не ощущал. Там бедность никогда не бросалась ему в глаза. Там у него была мать. Она была его богатством. Хоть он ее толком и не знал. Хоть за те шесть лет, что они провели вместе, ему так и не удалось стать частью ее жизни. Но все-таки у него была мать. А теперь — у него ничего не осталось. По крайней мере, ему так казалось.

Стыдясь своего грязного вида, он смотрелся в зеркало. С его волос капала и стекала по меченому лбу дождевая вода, не смывая при этом затвердевшую землю. Он смотрел на слово, которым было запятнано его лицо, и обрисовывал его пальцами.

— Что тут написано? — спросил он.

— Может, для начала зайдешь и искупаешься в горячей ванне? — предложила Шарлотта. Ее убедительного взгляда оказалось достаточно.

Она молча повела мальчика в ванную и только там заметила незажившие ожоги на его ладонях. Кисти рук ребенка стягивала паутина из шрамов.

Шарлотта присела на корточки у ванны, окунула губку в теплую воду и нежно провела ею по лбу Антуана, смывая последнее слово его матери в надежде навсегда избавиться от видимого и невидимого.

После того как Шарлотта завернула Антуана в одеяло, отвела его на диван и налила горячего какао, он оттаял. Они молча сидели рядом. Спустя некоторое время Антуан взглянул на девушку, открыл рот, будто желая что-то сказать, но залился слезами. Шарлотта обняла его и погладила по спине.

Дрожа всем телом и держа какао обеими руками, он смотрел на незнакомку через край чашки сквозь вздымающийся пар.

Прежде чем он успел спросить, кто она, Шарлотта приложила указательный палец к губам. Затем она встала, взяла из корзины несколько поленьев и разожгла в камине огонь. Вскоре комнату наполнил тихий треск. Языки пламени одновременно отбрасывали и свет, и тень. Антуан наблюдал, как кусочки белого тлеющего угля отделяются от дерева и превращаются в черный пепел. За окном стало темно и холодно. Ночь поглотила все до самого неба, в котором мерцало нежное сияние звезд.

В ту ночь Шарлотта обрела ценное сердцу: Антуан стал для нее самым близким человеком, а она для него — единственным.